Зайцев

Рассказ снайпера

М., 1943 г.

НИИЛ — Библиотека
ЕН242
3 314.

Смерть немецким оккупантам!

ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ЕН 242
З 314

Герой Советского Союза
В. Г. ЗАЙЦЕВ

РАССКАЗ СНАЙПЕРА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ
1 9 4 3

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2010

Стенографическая запись беседы Героя Советского Союза комсомольца Василия Зайцева в Комиссии по истории Великой отечественной войны

ЕН242
3314

584822

Редактор *Герасимов Е. Н.*
Технический редактор *Натапов М. И.*
Корректор *Корабельникова З. А.*

Г111078. Подписано к печати 11.X.43. Объем 5/8 п. л. 0,59 уч.-авт. л. Изд. № 60. Зак. 916.

1-я типография Управления Воениздата НКО имени С. К. Тимошенко

Отпечатано с матриц в типографии «Московский большевик». Заказ 2622.

Я РОДИЛСЯ на Урале, детство провёл в лесу, поэтому лес очень люблю и никогда в нём не заблужусь, даже если лес мне незнакомый. В лесу научился хорошо стрелять, охотился за зайцами, белками, лисами, волками, дикими козами. Мой отец был лесником. Бывало, выйдем на охоту всей семьей — отец, мать, нас два брата и с нами сестра. Моя мать и сейчас, хотя уже пожилая женщина и очки носит, но если заметит, что на берёзку сел тетерев,— выйдет и непременно его хлопнет, а потом ощиплет и приготовит.

У нас сестрёнка одна только, и мы с братом решили ей беличью шубку сшить. Мне было тогда

лет двенадцать, а брату и того меньше. По белке бить научил нас отец. Это — искусство; белку бить надо одной дробинкой; если полным зарядом бить, так белку изобьёшь и шкурку испортишь. Мы штук двести белок набили и шубку сестрёнке сделали.

Когда мне минуло четырнадцать лет — это было в 1929 году — родители мои вступили в колхоз, и мы переехали в поселок Еленинский Агаповского района Челябинской области. Там я зиму ходил в школу, в группу переростков, а летом пас скот.

Мне очень хотелось учиться. Пасу скотину, лошадь привяжу длинной веревкой, а сам под кустом лежу и занимаюсь. Наступила опять зима, и я поехал учиться в техникум. Я тогда не выбирал, где учиться,— лишь бы учиться. Мне очень хотелось быть лётчиком, но поступил в строительный техникум. Так уж пришлось. В техникуме же я вступил в комсомол. Учился с отметками «отлично», за каждый курс получал премию.

Во время учёбы мы строили в Магнитогорске первую и вторую домны. Сначала я был практикантом, а потом техником. На строительстве мне понравилась профессия бухгалтера, и я поступил на курсы бухгалтеров. По окончании этих курсов меня направили в г. Кизил, и я проработал здесь в райпотребсоюзе бухгалтером три года. Работа по душе была: спокойная и самостоятель-

ная, и сообразительности требует, точности, а главное — глубоко жизнь видно.

В 1936 году президиум райисполкома назначил меня старшим инспектором по страхованию. В этой должности я и оставался до призыва на военную службу.

По комсомольскому набору меня послали в Тихоокеанский флот. Я прибыл во Владивосток. Своеобразный это город. Вначале он на меня плохое впечатление произвёл. Я подумал, что это совсем не то, что наши уральские города — Свердловск, Челябинск и даже Шадринск. Но когда я во Владивостоке пожил, я полюбил этот город. После войны обязательно буду проситься на Дальний Восток. Я согласился бы там всегда служить. Нравится мне этот край. Природа там очень интересная, лесов много.

На Дальнем Востоке я окончил на «отлично» окружную военно-хозяйственную школу и служил в Тихоокеанском флоте на разных военно-хозяйственных должностях до осени 1942 года.

Когда немцы стали подходить к Волге, группа комсомольцев-моряков Тихоокеанского флота возбудила ходатайство перед Военным советом о переброске их на защиту Сталинграда. Инициатором этого дела был комиссар базы, где я служил, старый большевик Наянов. Он ранее работал на Волге в органах Наркомата рыбной промышленности и всегда вспоминал Волгу, как я свой Урал. Ходатайство группы комсомольцев

было удовлетворено. В этой группе был и я. Мы быстро сорганизовались и двинулись в путь на запад. 6 сентября прибыли в город Н.,— это у нас на Урале, почти дома. Здесь в тот же день нас зачислили в стрелковую дивизию генерал-майора Батюка, а на другой день мы перегрузились прямо из эшелона в эшелон и поехали в Сталинград. Так что прокатили мимо Урала.

В дороге учились. Помню, пулемёт я изучал так: поставлю его на верхние нары, посажу рядом с собой пулемётчика, и он мне показывает.

В эшелоне мне предложили быть командиром хозяйственного взвода. Я только что с хозяйственной работы, а меня опять посылают на хозяйственную! Я думаю: люди-то воюют. Хотелось и мне воевать по-настоящему, и я попросился в стрелки.

Прибыли мы в Сталинград 21 сентября. Город был весь в огне, с утра до позднего вечера шли воздушные бои. Один за другим загорались и падали самолёты. Мы видели из-за Волги, как в разных местах поднимаются языки пламени, потом все они сливаются в одно громадное зарево пожара. Было видно, как шли и ползли раненые, их перевозили через Волгу. Всё это на нас, прибывших из глубокого тыла, потрясающе подействовало. Мы начистили оружие, штыки прикрепили и ждали приказа в полной боевой готовности, не только ждали, а и поторапливали.

22 сентября, взяв с собой боеприпасы, мы подошли скрытно к Волге и переправились на другой берег. Миномёты и пулемёты тащили на себе. Расположились на правом берегу Волги.

В это время в городе уже были немцы. В 6 часов утра они нас заметили и открыли сильный минометный огонь. На занятой нами территории было расположено двенадцать бензобаков. Неожиданно налетели шестьдесят самолётов противника и стали бомбить. Взорвались бензобаки, и нас облило бензином. Мы бросились в Волгу, и в воде потушили горящую одежду. Многие остались в одних тельняшках, а некоторые даже — голые, но ничего — плащ-палатками покрылись, взяли винтовки наперевес и пошли в атаку. Отбили у немцев завод «Метиз» и мясокомбинат, закрепились и держали оборону. Немцы через некоторое время снова пошли в наступление, но мы все их атаки отразили.

После первых боев командир батальона взял меня к себе адъютантом.

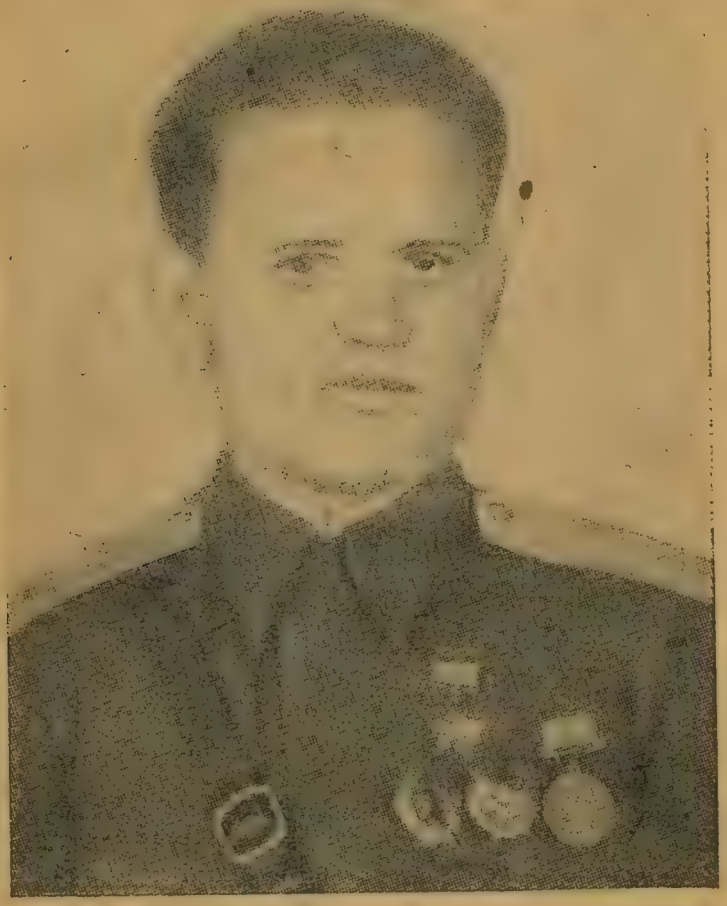
Как-то случилось, что в овраге Долгом одно наше подразделение дрогнуло и начало отходить. Командир батальона дал мне приказание задержать отступающих и выравнять линию фронта. Я этот приказ выполнил: подразделение пошло в атаку, отбило немцев и задержало их продвижение. После этого боя я был представлен к медали «За отвагу».

В октябре в моей жизни произошло ещё одно важное событие: комсомол передал меня в ряды коммунистической партии.

В то время мы были в ужасно тяжёлом положении. Немцы нас взяли в кольцо, прижали к Волге и били снарядами и минами. За день налетало по нескольку сот самолётов. В той обстановке многие считали, что на жизнь уже надежды нет, но об этом не говорили. Очень у всех была сильная ненависть к немцам. Это такие подлые мерзавцы, что сказать нельзя.

Мы видели девушек и детей, повешенных в саду. Один раз немцы тащили молодую женщину. За ней бежал мальчёнка и плакал: «Мама, куда тебя?..» Женщина кричала,— это было недалеко от нас: «Братцы, помогите, выручайте!» Но мы были в засаде, нам нельзя было обнаружить себя. Об этом вспоминать очень тяжело... Каждый боец только о том и думал, чтобы как можно больше перебить немцев, как можно больше причинить им вреда. Усталости мы не знали, хотя с утра до позднего вечера не ели и по нескольку суток не спали. Спать и не хотелось. Всё время нервы были в большом напряжении.

Когда мне вручали награду, я сказал: «На той стороне Волги земли для нас нет, наша земля здесь, и мы её отстоим». Это меня мои товарищи-комсомольцы просили передать товарищу Сталину.



Герой Советского Союза
В. Г. ЗАЙЦЕВ

* * *

Однажды — это было 5 октября — мы с командиром батальона капитаном Котовым подошли к окну. Смотрим — вдали немец выскочил... Капитан говорит: «Убей его!» Я вскинул винтовку, ударил — и немец упал. До немца было 800 метров, а я убил его из простой винтовки. Товарищей это заинтересовало. Глядим — к убитому немцу бежит другой немец. Товарищи мне кричат: «Зайцев, Зайцев, ещё один идет, хлопни этого». Я опять вскинул винтовку, ударил — и ещё один немец упал. Все в восхищении. Меня это тоже заинтересовало. Встал у окна, смотрю — к двум убитым третий немец ползёт. Я и его застрелил.

После этого на второй день командир полка подполковник Мителев передал мне через командира батальона капитана Котова именную снайперскую винтовку с оптическим прибором. Винтовку № 2826. Капитан Котов вручил её мне и сказал: «Из тебя хороший снайпер будет, сам учись и людей учи».

Начал я учиться стрелять из снайперской винтовки. Материальную часть помог мне изучить комсомолец старший лейтенант Большешапов. Это был мой боевой друг. Вместе воевали с ним, вместе в окопах жили и спали вместе, когда приходилось спать.

Учился я и у снайпера Калентьева. Дня три я ходил с Калентьевым, присматривался к его дей-

ствиям, как он снайперской винтовкой работает, потом сам пошел в засаду. На первых порах были у меня, понятно, и неточные выстрелы: торопился, волновался, хотя по натуре я спокойный человек.

На улицах воевать, где до противника иной раз 40—50 метров,— это не то, что в поле. Многие советы, даваемые снайперу, оказались неподходящими. Однако вскоре немцы меня узнали.

Я ежедневно по три, по четыре немца убивал. Потом я стал набирать себе учеников. Сначала набрал человек пять-шесть.

Обучал я своих учеников в кузнице завода «Метиз», где устроили тир. Материальную часть винтовки изучали в вентиляционной трубе, которая служила очень хорошим укрытием, там же чистили оружие, делились впечатлениями дня.

Вскоре у меня набралось учеников тридцать. Все больше комсомольцы. Я сам их подбирал, дружил с ними и делился всем, что было — и сухарём, и табачком. Когда люди видят, что к ним относишься с открытой душой, у них появляется привязанность, и они запоминают каждое твое слово. Они верят, что если я их душой полюбил, то в опасную минуту не брошу, и я надеюсь, что они меня не бросят.

Я был членом комсомольского бюро, так что мне приходилось бывать во всех подразделениях: начнешь с комсомольского учёта, а кончишь организацией снайперской группы.

Когда я убеждался, что люди искусно владеют винтовкой, я водил их с собой в засаду. Они привыкали стрелять, изучали поле боя. Снайпер должен изучить каждый кустик, как он стоит и как около этого кустика земля лежит, где и сколько камней есть, какая канава пристреляна немцами, какая нет. Изучишь так оборону, свою и противника, и для врага непоразим будешь.

Вечером собирал я своих учеников в одно место, чтобы они могли поделиться мнениями. Когда снайперы, вернувшись из засады, беседуют друг с другом, час даёт им больше пользы, чем месяц в мирной обстановке. Вот, например, в один вечер после охоты комсомолец Ломако говорит: «Я сегодня пропустил трех фрицев, бил на одно расстояние и ни разу не попал». Я заинтересовался этим и на другой день пошел с Ломако на то место, с которого он стрелял. Это была заводская труба. Я сидел на высоте десяти метров. Проходит внизу фриц, я его ударил, но он преспокойно идёт дальше, даже шагу не прибавил. Я не стал больше в этого фрица стрелять. Опустил винтовку, сижу и думаю: «Если бы я высоко взял,— фриц присел бы, если бы пуля вперёд пролетела,— он бы остановился. А этот фриц прошёл без каких бы то ни было признаков беспокойства. Значит, малая дистанция на прицельной рамке и пуля недолетает, втыкается в песок». Прибавил на одну черту прицел. Сидим с Ломако и ждём фрица. Фриц идёт, я дал вы-

стрел — фриц упал. Так мы разрешили вопрос, и в следующей беседе я всем снайперам сказал:

— Вот вам новое: сидишь выше противника — бери прицел меньше. Сидишь ниже противника — бери прицел больше.

Может быть, в действительности это и старое правило, а для нас оно было новым.

Ещё одно важное правило опыт подсказал: огневую позицию выбирай там, где противник считает это невозможным. Тут и замаскировывайся умело: полез на трубу — вымажись в саже и будь сам, как труба, подошёл под стенку — соответственно подведи и цвет своей одежды.

Вот, например, на участке нашего полка я подобрался к сгоревшему дому. Дома не было, и только одна печь осталась да труба. Залёг я за печь, амбразуру пробил в трубе. Фрицы, конечно, не думали, что русский снайпер полезет в трубу, а из этой трубы мне были хорошо видны два входа в их блиндажи и подход к трёхэтажному дому. Из трубы я убил десять фрицев, правда, я и сам пострадал, но это уже по своей вине: надоело ползать, решил бить с одного места и дал оттуда выстрелов десять. Немцы меня обнаружили. Ударила мина, разбилась моя винтовка, и меня завалило кирпичами. В кирпичах застряли ноги.

Часа два я пролежал без памяти. Потом, когда отошёл, разворотил кирпичи, ноги вытащил, а сапоги остались в печи: они мне велики были —

сорок пятый размер. Я намотал на ноги портянки, разбитую винтовку повесил на ремне на шею. Хочу бежать, да жалко сапоги оставлять. Эти сапоги носил раньше командир батальона Скачков. Они мне дороги были как память. Подумал: «Убьют, ну, и чорт с ними, а сапоги командира не оставлю. Ещё какой-нибудь поганый фриц их носить будет». И стал выбрасывать из печки кирпичи. Наконец, схватил сапоги и с сапогами в руках, весь покрытый сажей, бегу босиком по переулку. Прибежал, а товарищи смеются, говорят: «Было бы интересно тебя сейчас сфотографировать».

С тех пор я и мои ученики начали действовать по-другому: стали бить с разных мест. С одной огневой позиции больше двух-трех выстрелов не делали и старались, чтобы больше было ложных амбразур.

На Мамаевом кургане в одном дзоте засели немецкие пулемётчики. Они не давали нам возможности маневрировать, переходить из одного района в другой, подносить пищу, подтаскивать боеприпасы. Командованием была поставлена задача взять этот дзот. Пехота несколько раз ходила в атаку, и несколько раз её атаки срывались. Послали туда из моей группы двух снайперов, но они промахнулись, их поранили, и они вышли из строя. Тогда командир батальона приказал мне самому туда пойти и взять ещё двух снайперов. Так и сделали. Отправились в этот район, прошли всю

линию обороны и по пробоинам определили, что сидит один фриц и всех держит под контролем.

Мы укрылись в окопе. Только показал я из окопа каску, фриц по ней ударил, каска упала. Я понял, что имею дело с хорошим немецким снайпером. Но нужно было определить, где он находится. Это очень трудно было сделать, потому что если выглянешь — он убьёт. Значит, нужно обмануть его, перехитрить, т. е. найти тактически правильный приём.

Я часов пять охотился за ним. Наконец, я прибег к такому способу: снял с руки варежку, надел её на дощечку и из траншеи высунул. Немец выстрелил. Я опустил дощечку и посмотрел, где варежка пробита. По пробоине определил, откуда немец стрелял. Когда определишь местонахождение противника,— садись в удобное место и выжидай, но чтобы противник не знал, из какого окопа ты его будешь бить.

Я взял окопный перископ и стал наблюдать. Выследил я немецкого снайпера! За передним краем наша пехота наступала. Ей всего надо было преодолеть метров тридцать до дзота. Вот тут-то немецкий снайпер приподнялся, чтобы посмотреть, и оторвался от винтовки. В это время я выскочил из окопа, встал в полный рост и вскинул винтовку. Он такой дерзости не ожидал, растерялся. Я первый ударил его святой русской пулей. Винтовка у фрица выпала из рук.

Я повёл огонь по амбразуре дзота, чтобы не

дать возможности немецким пулемётчикам подойти к пулемёту. В это время наша пехота рывком кинулась к дзоту и взяла его без потерь. Это и есть тактически правильный подход: обмануть врага и, не понеся потерь, разрешить задачу.

Убить немца недолго, у нас каждый боец стреляет хорошо, но немец не дурак. Он маскировку и окапывание любит. Зарывается в землю глубоко и наверх показывается очень редко. Обмануть немца, придумать, как его обмануть, выследить его — это дело сложное. Это может сделать лишь снайпер, который обладает хорошей усидчивостью и находчивостью. Мы даже поговорку сложили: надо сначала обмануть немца, а потом убить его. Нужно делать так: залезть на самую высокую трубу или на другое удобное место и посмотреть, где фрицы ходят, а потом подбирать огневую позицию, да не одну, а несколько. Противника нужно сковать своим огнем, надо добиваться того, чтобы противник прекратил всякое движение. Днём выстрелов не видно, откуда стреляют — не узнаешь, значит, надо ночью действовать.

На одной высоте засели немецкие снайперы. Подход к ней был очень труден. Два-три раза туда ходила пехота, но установить, где находится противник, не удалось. Командир полка подполковник Митилев приказал определить, где засели снайперы, и расчистить подход к высоте.

Вышли мы с красноармейцами Куликовым и

Двояшкиным в 5 часов утра. Ещё темно было. Мы залезли в окоп. Взяли палку и вверху этой палки сделали крестовину, обмотали её белой тряпкой — получилась форма лица. Свернули большую закрутку из махорки и вложили в рот. Надели каску, шубу накинули и показываем. Немецкий снайпер видит — человек курит папиросу, и выстрелил. Когда в темноте стреляют, огонь из винтовки виден. Таким образом, мне удалось засечь, где находится немецкий снайпер. Когда Куликов показал из окопа «человека», немец начал по нему стрелять. Немец выстрелит — Куликов опустит палку, а потом опять выставит. Немец думает, что «человек» ещё не убит, и опять стреляет. Пока фрицы охотились за русским «снайпером», я успел засечь расположение дзотов, из которых стреляли немецкие снайперы. Мне их огонёк сбить не удалось. Я только установил его и затем связался с нашей противотанковой артиллерией: она разбила немецкие блиндажи.

Хорошо взаимодействовали мы также со штурмовыми отрядами пехоты.

Дело было 17 декабря. Командование дало задание взять железобетонный мост. Несколько раз пробовали его брать, но не удавалось. Атаки нашей пехоты срывались. Сколько раз снарядами били прямой наводкой — мост не поддавался разрушению. Бетон метров шесть толщиной. Снаряд ударит, лунку сделает — и всё. Я с четырьмя

снайперами скрытно зашёл к немцам с фланга, даже, вернее, не с фланга, а с тыла.

Залезли мы в разрушенный дом. Когда наши штурмовые группы пошли в атаку, немцы начали выбегать из укрытия и забрасывать их гранатами, а в это время мы фрицев и подбивали. Они нас обнаружили и выкатили против нас орудие. Мы всю прислугу перебили. За каких-нибудь два часа мы вчетвёром убили двадцать восемь немцев. Нашим штурмовикам удалось занять этот сильно укреплённый мост.

А теперь я расскажу о самой памятной для меня засаде. Не помню, какого это было числа и месяца. Немцы подтягивали подкрепления. Я сидел на наблюдательном пункте с командиром. Прибежал посыльный и сообщил:

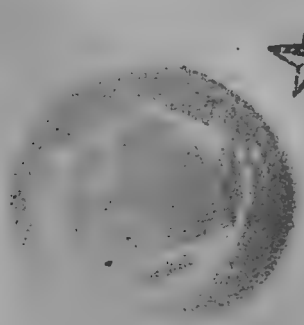
— В секторе наблюдения замечено движение немцев. К ним идет пополнение.

Чтобы проследить за этим пополнением, я вышел со своими снайперами. Всего шесть человек нас пошло. В развалинах домика засаду сделали. Немцы шли строем. Метров на 300 мы их подпустили и начали бить из винтовок. На них это подействовало ошеломляюще. Шло их человек сто. От неожиданности они растерялись, остановились. Упадёт один, другой, третий. Для того чтобы выстрелить, требуется две секунды, а винтовка СВТ — десятизарядная. Только нажмёшь — она сама заряжает и выбрасывает. Здесь мы убили сорок шесть немцев.

Вот какое большое значение имело снайперское дело в обороне Сталинграда.

На улицах Сталинграда наши пропагандисты ставили так вопрос: «Хочешь жить — убей немца»; «Скажи, сколько ты убил немцев, а я скажу, какой ты патриот». Истребление немецкой живой силы стало почётным делом; поэтому каждый красноармеец стал караулить немцев. Кто больше всех убил немцев, тот и был самый уважаемый человек среди бойцов.

Агитатор капитан Ракитянский, любимец бойцов, сам сидел по суткам с винтовкой в руках и в окопах, и на крышах, поджидая фрица. Дождётся, убьёт его и снова сидит, дожидается другого. Вот это я понимаю — агитатор! Я убил двести сорок два немца, в том числе больше десяти вражеских снайперов, и всегда был уверен, что я хитрее и сильнее немца, что моя винтовка бьёт точнее немецкой. Я всегда спокоен и поэтому никогда не боюсь немцев.



Цена 10 коп.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать отзывы на эту книгу по адресу: Москва, Орликов пер., 3, Воениздат

A.